

УДК 343.8:341

Международные пенитенциарные стандарты и правила как основа гармонизации современного уголовно-исполнительного законодательства России

П.В. ТЕПЛЯШИН,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск)

В статье рассматривается роль международных пенитенциарных стандартов и правил в совершенствовании и гармонизации отечественного уголовно-исполнительного законодательства. Анализируется механизм соблюдения принципов и норм международного права в области обращения с осужденными. Делается вывод о том, что международные пенитенциарные стандарты демонстрируют приоритет прав человека как универсальной общечеловеческой ценности.

Ключевые слова: международные стандарты и правила, гармонизация законодательства, естественные права, принципы и нормы международного права, уголовно-исполнительное законодательство.

This article is devoted to the role of the international penitentiary standards and rules of improvement and harmonization the native criminal-executive legislation. The author analyses the mechanism of the observance of the principles and norms in the area of treatment with convicted people. There is given a conclusion that the international penitentiary standards are demonstrated the priority of human rights as a universal panhuman value.

Доминирующий вектор гармонизации современного уголовно-исполнительного законодательства лежит в плоскости прогрессивных тенденций в сфере международного права. Начиная с середины двадцатого столетия в международном (в первую очередь в публичном) праве наблюдается эскалация гуманитарных ценностей и правовых начал, что в целом свойственно и для внутринационального права. Однако данные тенденции показывают очевидный приоритет международного права над внутригосударственным¹. При этом справедливым представляется замечание О.И. Тиунова о том, что широкий круг государств позволяет признать действующие международно-правовые стандарты в области прав человека обязательными для себя в силу их оптимальной «минимальности»². Как верно указывает Ю.Ю. Соколовых, «интеграция России в европейское и мировое сообщество возможна при условии дальнейшего приближения отечественного законодательства и правоприменительной практики к международным гуманитарным стан-

дартам»³. Следовательно, культурное обогащение международного права опережает внутринациональное.

Вместе с тем именно характер повседневного применения норм национального права позволяет говорить о его более высоком воспитательном воздействии в сравнении с международным правом. В свою очередь, развитость правового воспитания определяется правовой культурой как важнейшей предпосылкой формирования правового государства и гражданского общества. По мнению А.П. Плешакова, правовое воспитание предполагает не только целенаправленное освоение правовой культуры и конкретных нормативно-ценностных императивов, но и понимание общечеловеческих ценностей⁴. Правовая культура находит отражение в правовой системе общества. Показывая конкретно-историческую модальность права, она абсорбирует соответствующий тип мышления, традиции, степень развитости науки, характер юридического образования и на этой основе демонстрирует самобытность права

¹ В частности, см.: Craig P., Grainne de Burca. EU Law. Text, Cases and Materials. 3rd ed. — Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 178—182, 189—190, 195—196.

² См.: Тиунов О.И. Современные проблемы международного гуманитарного права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2008. Вып. 1 (№ 12). С. 73.

³ Соколовых Ю.Ю. Реализация международного гуманитарного права в законодательстве Российской Федерации: состояние и перспективы // Государство и право. 1997. № 9. С. 80.

⁴ См.: Плешаков А.П. Правовая культура и становление новой российской государственности // Правовая культура. 2007. № 1. С. 48—49.

на фоне правовой системы мира. Таким образом, правовая культура личности формируется не столько на декларировании международных норм и стандартов, сколько на их интерпретации нормами национального права и действию в составе правовой системы страны. Так, необходимо поддержать В.И. Горобцова в том, что «сегодняшняя ситуация в сфере исполнения уголовных наказаний в нашей стране в значительной степени зависит от стремления во многом копировать западный опыт, во что бы то ни стало “быть впереди Европы всей”... Разработчики Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации 1996 года излишне увлекались реализацией на уровне отечественного законодательства международно-правовых стандартов и опыта зарубежного законодательства без учета криминальной ситуации в России, исторических и национальных особенностей, предприняв своеобразную попытку “перепрыгнуть” в сфере исполнения уголовных наказаний от “тюремно-гулаговского” состояния мест лишения свободы к образцовым пенитенциарным учреждениям западного варианта»¹. В связи с этим важно добиваться реализации именно общепризнанных международных стандартов в области обращения с осужденными в отечественной практике исполнения уголовных наказаний, отказываясь от их голословного декларирования уголовно-исполнительным законодательством.

Указанные прогрессивные тенденции в сфере международного и внутринационального права позволяют говорить о том, что в мире интегрированного права появляется своеобразное общее правовое состояние, так называемый порог правосознания², имеющий универсальное значение и показывающий общепризнанный уровень права, базирующийся как раз на гуманитарных ценностях и правовых началах. Международное право, закрепляя в соответствующих нормах общепризнанные принципы, в нормативно-концентрированном виде переводит их в национальное законодательство либо демонстрирует определенный социокультурный эталон. Поэтому с полной уверенностью можно сказать, что задаваемое процессами правовой интеграции правовых систем влияние международного права на внутринациональное право будет приводить к повышению значимости в системе общественных отношений культуры прав человека. Данный фено-

мен является одним из тех гуманитарно-правовых явлений, в которых обнаруживается суть гармонизации национального права.

Уголовно-исполнительное право, которое является органической частью отечественной правовой системы, подпадая под влияние международных правовых стандартов и правил, также должно быть подвержено гармонизации. Вместе с тем уголовно-исполнительное законодательство не сразу отразило всю важность соответствия российского законодательства и практики его применения общепризнанным международным стандартам. Так, И.В. Воронцова справедливо замечает, что наше «законодательство и практика его применения слишком медленно приводятся в соответствие с европейскими стандартами. В первую очередь это относится к отраслевому законодательству»³. В частности, на момент принятия УИК РФ (1997 г.) в ч. 1 ст. 3 данного нормативного правового акта указывалось, что уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации учитывает международные договоры Российской Федерации, относящиеся к исполнению наказаний и обращению с осужденными. Тем самым законодатель, по сути, только принимал к сведению факт наличия международных пенитенциарных эталонов и лишь в определенной степени приводил в соответствие им механизм правового регулирования исполнения и отбывания уголовных наказаний, но не был обязан в точности их соблюдать. Однако, следуя по пути гармонизации уголовно-исполнительного права в части отражения объективной закономерности взаимодействия международного и внутринационального права, законодатель в ч. 1 ст. 3 УИК РФ закрепил идею о непреложности примата международного права над национальным законодательством. Юридическим закреплением данной идеи явилось принятие Федерального закона от 03.04.2008 № 40-ФЗ «О внесении изменений в статью 3 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации», согласно которому уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации и практика его применения основываются на Конституции РФ, общепризнанных принципах и нормах международного права. Данная новация отражена постулат ч. 4 ст. 15 Конституции РФ о закреплении общепризнанных принципов и норм международного права и международных до-

¹ Горобцов В.И. Парадоксы отечественной реформы уголовно-исполнительной системы // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики: Межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 7 / Отв. ред. В.И. Горобцов. — Красноярск, 2003. С. 115, 117.

² См.: Чернявский А.Г. Перспективы интеграции и гармонизации российской и европейской правовых систем // Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации: Сб. статей / Под ред. В.М. Баранова. — Н. Новгород, 2003. С. 215.

³ Воронцова И.В. Взаимодействие международного и внутреннего права государств // Современное право. 2007. № 11. С. 74—75.

говоров Российской Федерации в ее правовой системе. Включение в основу механизма правового регулирования уголовно-исполнительных отношений общепризнанных международных ценностей содействует формированию правовой культуры участников данных отношений, укрепляет необходимость добросовестного выполнения законодателем и правоприменителем международных обязательств России, приближает отечественную практику исполнения уголовных наказаний к прогрессивным пенитенциарным образцам и активизирует поиск национальных интересов и самобытных путей развития уголовно-исполнительного права.

Необходимо отметить, что международные стандарты обращения с осужденными фактически представляют собой не международные соглашения, а акты международных правительственных организаций. Следовательно, они не нуждаются в ратификации и не обладают обязательной юридической силой. Рассматриваемые стандарты в целом носят рекомендательный характер, что, как правило, отражено в их содержании. Не имея обязательного законного статуса в международном праве, они широко признаны международным сообществом в качестве правил, отражающих фактически существующее положение в наиболее прогрессивных системах обращения с осужденными. Вместе с тем в резолюциях, как ООН, так и Совета Европы, предусмотрен контроль за реализацией международных стандартов для того, чтобы сохранить в международном масштабе их высокий авторитет и политический статус.

Однако если Россия присоединяется к какому-либо международному документу, определяющему стандарты обращения с осужденными, принимает обязательство по его исполнению или тем более ратифицирует его, то необходимо последовательно претворять его в жизнь. Реализация международных обязательств в этом случае является «делом чести» для России, их неисполнение может существенно подорвать международный политический авторитет страны и принести тем самым значительный вред внешнеполитическим интересам. Так, на заседании Президиума Государственного совета РФ, проходившего 11 февраля 2009 г. в Вологде, Президент России Д.А. Медведев в рамках обсуждения вопроса о состоянии уголовно-исполнительной системы и подходов к ее долгосрочному развитию на период до 2020 года указал на необходимость приведения всей пенитенциарной системы и законодательства в полное соответствие международным стандартам.

Можно выделить несколько путей влияния рассматриваемых стандартов на отечественное уголовно-исполнительное законодательство:

- 1) обеспечение максимальной открытости правовых основ исполнения наказаний;
- 2) юридическое определение соотношения международных стандартов и отечественного уголовно-исполнительного законодательства;
- 3) определение задач и принципов пенитенциарного законодательства, а также влияние на отечественную уголовно-исполнительную политику в целом;
- 4) использование международных стандартов при толковании уголовно-исполнительного законодательства.

В границах указанных направлений происходит постепенная гармонизация уголовно-исполнительного законодательства и отечественной практики исполнения наказаний.

При этом к числу основных факторов, препятствующих практической реализации международных стандартов обращения с осужденными, необходимо отнести невысокую оплату труда осужденных, недостаточную защиту осужденных от негативного влияния тюремной субкультуры, нарушения законности в деятельности персонала исправительных учреждений, слабую эффективность помощи освободившимся из мест лишения свободы и постпенитенциарной адаптации¹. Также реализацию международных стандартов осложняют следующие обстоятельства:

- 1) недостатки ресурсного обеспечения и финансирования;
- 2) рост преступности, закономерно сопровождающийся усилением карательных притязаний общества и увеличением числа заключенных;
- 3) относительное падение престижа профессиональной уголовно-исполнительной деятельности и соответственно снижение качества организационной и воспитательной работы;
- 4) содержание заключенных в основном в колониях, где степень социальной изоляции ниже, нежели в тюрьме. В результате разница между «свободой» и «несвободой» не так значительна, как при тюремном заключении, что снижает исправительный эффект наказания. Кроме того, стандарты нацелены в основном на реализацию прописанных в них правил применительно к тюремному заключению, а не к так называемой колонийской системе;
- 5) особенности территории и климатических условий России, многонациональный состав ее населения.

Важно заметить, что влияние международных пенитенциарных стандартов на россий-

¹ В частности, см.: Добрынина М.Л. Международно-правовые основы правового положения лиц, содержащихся в исправительных учреждениях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2006. № 3. С. 21.

скую практику исполнения уголовных наказаний, в первую очередь связанных с лишением свободы, сказывается в отношении не только естественных прав осужденных, повышения средств их правовой защиты и безопасности, профессионализма персонала исправительных учреждений, но и дифференциации режимных требований и юридических условий отбывания наказания. При этом именно данный аспект функционирования отечественной уголовно-исполнительной системы нуждается в реформировании, внутренней и международно-правовой гармонизации. В частности, рассматривая проблему реализации международных стандартов в области прав человека при исполнении пожизненного лишения свободы, В.Ф. Цепелев и Е.Н. Казакова справедливо отмечают: «Жесткая степень изоляции и социальная депривация, бессрочность наказания, низкая степень дифференциации условий содержания, сроков перевода с одних условий на другие... свидетельствуют, что условия содержания пожизненно осужденных в полной мере не соответствуют жизни в обществе, их человеческому достоинству и не способствуют их ресоциализации»¹. Развивая данную мысль, исследователи приходят к аргументированному выводу о том, что длительный период изменения условий отбывания наказания и высокие формальные требования к условно-досрочному освобождению данной категории осужденных приводят к утрате социально-адаптивных навыков поведения, потере навыков социально-одобряемого поведения, развитию регресса личности. Так, «согласно международным документам, применительно к пожизненному лишению свободы пересмотр приговора должен осуществляться после отбывания срока лишения свободы от восьми до четырнадцати лет и повторяться через регулярные промежутки времени»².

Необходимость учета европейских и международных пенитенциарных норм и стандартов в решении внутринациональных вопросов правового регулирования уголовно-исполнительных отношений детерминирована появлением такой подотрасли международного уголовного права, как международное пенитенциарное (уголовно-исполнительное) право и, следовательно, повышением роли и значимости для отечественной уголовно-исполнительной системы заложенных в ней принципов. По мнению А. Малиновского, к данным принципам относятся:

1) защита прав осужденных;

2) недопустимость пыток, жестоких и бесчеловечных наказаний;

3) минимизация применения смертной казни или отказ от данного наказания;

4) гуманизм;

5) подконтрольность исправительных учреждений общественным организациям по защите прав осужденных и заключенных³.

Представляется, что данный перечень не является исчерпывающим. В частности, его можно было бы дополнить принципом повышения исправительного эффекта отдельных наказаний и их системы. В целом международное пенитенциарное право может быть представлено как «совокупность принципов и норм, регламентирующих правовой статус осужденных, устанавливающих международные стандарты и правила исполнения различных видов наказания, а также регулирующих вопросы международного сотрудничества в пенитенциарной сфере»⁴. Среди основных источников международного пенитенциарного права можно выделить:

— Минимальные стандартные правила обращения с заключенными 1955 года;

— Европейскую конвенцию о надзоре за условно осужденными или условно освобожденными правонарушителями 1964 года;

— Европейские пенитенциарные (тюремные) правила, принятые резолюцией Комитета министров Совета Европы в 1973 году;

— Меры, гарантирующие защиту прав тех, кто приговорен к смертной казни, одобренные резолюцией Экономического и социального совета ООН в 1984 году;

— Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила), 1985 года;

— Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, принятый Генеральной Ассамблеей ООН в 1988 году.

Ядром данной системы правовых актов выступают Минимальные стандартные правила обращения с заключенными 1955 года, получившие международное признание в качестве приемлемой практики в уголовно-исполнительной системе. В данном документе прямо указано, что они не имеют обязательного статуса в международном праве. Так, ст. 1 указанного документа декларирует, что данные правила «предназначены лишь для того, чтобы на основе общепризнанных достижений современной

¹ Цепелев В.Ф., Казакова Е.Н. Международные стандарты в области прав человека и их реализация в процессе назначения и исполнения пожизненного лишения свободы // Российский криминологический взгляд. 2008. № 3. С. 257.

² Там же. С. 258—259.

³ См.: Малиновский А. Система международного уголовного права // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 1. С. 114.

⁴ Там же.

мысли и с учетом основных элементов наиболее удовлетворительных в настоящее время систем изложить то, что обычно считается правильным с принципиальной и практической точек зрения в области обращения с заключенными и управления исправительными заведениями».

Появление норм международного пенитенциарного права неизбежно привело к необходимости их достаточно строгого соблюдения в целях поддержания стандартов, аккумулируемых в этой сфере в процессе эволюционного развития гуманистических ценностей и прагматических взглядов. В методологическом ракурсе важность соблюдения норм международного уголовно-исполнительного права объясняется органической включенностью данной подотрасли в международное уголовное право, одним из перспективных направлений развития которой выступает «гармонизация норм о надлежащей правовой процедуре при отправлении международного уголовного правосудия, применяемых как международными судебными органами, так и национальными органами уголовного правосудия»¹.

Таким образом, основой методологического осмысления гармонизации уголовно-исполни-

тельного законодательства и права России выступает конвенциональная природа устанавливаемых естественных прав человека. Теоретическая оценка роли международных пенитенциарных стандартов в решении известных проблем отечественной уголовно-исполнительной системы демонстрирует приоритет прав человека как универсальной общечеловеческой ценности, позволяет выработать необходимые смысловые ориентиры и закрепить исторически апробированные формы обращения с осужденными. Вне концептуального понимания данного обстоятельства пенитенциарная система России рискует остаться во власти стихийных процессов слепого заимствования зарубежных и международно-правовых стандартов и правил, сплошных верификаций и экспериментов без необходимых смысловых ориентиров и исторически апробированных форм обращения с осужденными. Успех в реформировании отечественной пенитенциарной системы и совершенствование уголовно-исполнительного законодательства во многом зависят от готовности российской юридической науки удерживать прогрессивные достижения прошлого и обогатить их культурно-правовыми ценностями сегодняшней эпохи.

¹ Шериф Бассуни М. *Философия и принципы международного уголовного правосудия // Сравнительное конституционное обозрение.* 2009. № 1. С. 104.